
“ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА” В РОССИЙСКОМ НАУЧНОМ И ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

О.Ю. Малинова

Тема политической культуры очень популярна в России: соответствующий термин часто встречается в названиях статей, учебных курсов, дипломных работ, диссертаций (реже – книг) и весьма активно используется участниками политических коммуникаций. Несколько иначе обстоит дело в англо-американской политической науке*, где программа исследований политической культуры, амбициозно начатая знаменитой работой Г.Алмонда и С.Вербы [Almond, Verba 1989], уже к середине 1970-х годов стала сворачиваться и спустя 30 лет Д.Лейтин, несколько утрируя, уподобил изучение этой темы разработке аномалий в птолемеевой астрономии [Laitin 1995: 169]. Так получилось отчасти из-за недостатков базовой концепции, отчасти потому, что альтернативные подходы не отличались теоретической ясностью и не вылились в серьезные исследовательские программы, а отчасти в силу перехода “пальмы первенства” к объяснительным схемам, в контексте которых обращение к политической культуре не представлялось значимым. И хотя в 1990-е годы в связи с потребностью в осмыслении посткоммунистических трансформаций, а также проблем, связанных с “культурной политикой” в странах Запада и взлетом религиозного фундаментализма, исследовательский интерес к этой теме заметно возрос, он пока не принес весомых результатов. Как справедливо констатировал Р.Дж.Далтон, “наше понимание элементов политической культуры и отношений между ними не намного продвинулось по сравнению с ‘Гражданской культурой’, опубликованной Алмондом и Вербой в 1963 г.”. И это при том, что разворачивающиеся в целом ряде стран политические преобразования создают необычайно благоприятные условия для испытания прогностического потенциала данной концепции, позволяя проследить “взаимосвязь между политической культурой и политическими институтами” [Политическая наука 1999: 334; см. также Fléron 1996].

106

В настоящей статье я не ставлю перед собой цель подробно проанализировать опыт исследования политической культуры зарубежными и российскими учеными**. Моя задача заключается в другом: попытаться выявить особенности “функционирования” данного концепта в отечественном научном дискурсе, а затем посмотреть, как он используется публичными

МАЛИНОВА Ольга Юрьевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

* Такой ракурс сравнения в какой-то мере обусловлен ограниченной лингвистической “компетенцией” автора статьи. Однако трудно отрицать, что американская политическая наука долгое время являлась законодательницей мировой “моды” и англоязычные тексты до сих пор занимают привилегированное место в политологической литературе.

** История данного направления исследований хорошо описана как самими его “классиками”, так и их критиками [см. Chilton 1988; Almond 1989, 1994; Verba 1989; Brint 1991; Welch 1993; Gendzel 1997; Johnson 2001; Scott 2003; Формизано 2002 и др.]. Обзор работ российских авторов см. Шатилов 2002.

политиками. Однако прежде чем приступать к ее решению, целесообразно вкратце остановиться на основных методологических проблемах, с которыми сталкиваются исследователи культурных аспектов политики.

ТРУДНОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Неизменным атрибутом как зарубежных, так и отечественных работ по данной теме является констатация многообразия определений и подходов. Причем за различиями дефиниций и исследовательских практик стоят принципиальные методологические проблемы, затрудняющие выработку комплексной стратегии и кумуляцию полученных результатов. Эти проблемы связаны, во-первых, с концептуализацией политической культуры, во-вторых, с ее операционализацией и, в третьих, с возможностями использования полученных результатов для объяснения политических явлений и процессов.

В самом общем виде трудности концептуализации политической культуры обусловлены тем, что это понятие претендует на роль мостика между микро- и макроуровнями политики. Предполагается, что культурные факторы, т.е. разделяемые членами конкретного сообщества исторически сложившиеся социальные установки, репертуары смыслов, модели поведения и т.п., значимы для понимания политических явлений и процессов, поскольку они определяют особенности функционирования институтов и пределы их изменений. Наличие такого рода связей интуитивно не вызывает сомнений, однако их осмысление оказывается весьма сложной задачей вне зависимости от трактовки самого феномена культуры.

Наиболее принципиальным водоразделом для концептуализации политической культуры является рассмотрение ее в качестве интересубъективного феномена или же, напротив, свойства сообщества, выявляемого исключительно на социетальном уровне. Конечно, эта альтернатива скорее обозначает полюса, к которым в большей или меньшей степени тяготеют разные толкования. Однако выбор “полюса” во многом предопределяет последующую методологию исследования.

Сторонники первого подхода интерпретируют политическую культуру как совокупность социально-психологических свойств, которые проявляются *на индивидуальном уровне*, будучи следствием сходного политического опыта или исторических условий существования социальной группы. Этот подход развивается в рамках методологического индивидуализма, доминирующего в англо-американской политической науке. Именно он лег в основу концепции Алмонда и Вербы, предположивших, что политическое поведение индивидов определяется не только рационально понятыми интересами, но и усвоенными в процессе социализации “ориентациями”, т.е. диспозициями, располагающими действовать определенным образом в ситуациях того или иного рода. Вслед за Т.Парсонсом создатели концепции политической культуры выделяли когнитивные, аффективные и оценочные аспекты ориентаций. Политическая культура, по их мысли, может быть представлена как “специфическое распределение типов ориентаций (patterns of orientations) по отношению к политическим объектам среди членов той или иной нации” [Almond, Verba 1989: 13]. При этом предполага-

лось, что ориентации обладают внутренней связностью. Как писал в 1965 г. Л.Пай, “традиции общества, дух его общественно-публичных институтов, эмоции и коллективный разум его членов, равно как и действующие кодексы поведения его лидеров, – все это не случайные продукты истории, а взаимосвязанные части единого целого, образующие реальную цепь взаимоотношений” [Pay 1965: 7]*. При подобном понимании политической культуры ее можно “измерять” с помощью репрезентативных опросов**, проводить сравнительные межстрановые и кросс-темпоральные исследования, подвергать полученные результаты статистическому анализу с целью проверки гипотез и т.д. Возможность применения количественных методов – одно из несомненных достоинств данной концепции.

Тем не менее с ее *операционализацией*, т.е. переходом от абстрактного выражения качества к набору конкретных показателей, которые могут быть установлены эмпирически, возникают определенные проблемы. Чаще всего сравнительные количественные исследования политической культуры нацелены на изучение социальных установок (attitudes), выявляемых в опросах***. Считается, что в отличие от ценностей, которые являются результатом оценок, установки – это устойчивые ориентации, имеющие глубинный характер (и в силу этого не всегда осознаваемые). Разделяя некие ценности, люди могут им и не следовать; установки же реально (и зачастую неосознанно) ориентируют их поведение. Но можно ли выявить установки в стандартизированных опросах общественного мнения?**** И насколько правомерно делать выводы о связях между социальными установками индивидов и развитием политических институтов на основе информации о тех аспектах политической культуры, которые поддаются изучению количественными методами? В заключительной главе книги “Возвращаясь к гражданской культуре” С.Верба вынужден был признать, что разрыв между набором установок, присутствующих в социуме, и функционированием политической системы в целом “слишком велик” [Verba 1989: 403]. Так или иначе, вопрос о корректности теоретических обобщений на основе опросных данных остается открытым: свидетельством их адекватности могли бы служить реализовавшиеся прогнозы, однако большинство выводов, сделанных в 1960-е годы авторами “Гражданской культуры”, не подтвердились (наиболее крупные “просчеты” – распад СССР и консолидация демократии в ФРГ).

* Это положение является одним из оснований для критики данной концепции: принимая групповые культурные установки как нечто готовое, она не учитывает символической борьбы, стоящей за их утверждением. Кажущаяся “связность” политической культуры может быть не только “продуктом истории”, но и следствием определенных технологий господства, механизм которых при таком подходе ускользает от внимания исследователей [Laitin 1998: 589-593].

** Работа Алмонда и Вербы была одним из первых систематических кросс-национальных исследований, использовавших метод массовых опросов, тогда еще находившийся в стадии становления.

*** Впрочем, было бы неверным связывать “психологический” подход к изучению политической культуры исключительно с опросами: в его рамках вполне успешно применяются и качественные методы [см., напр. Шестопап 2004].

**** Некоторые исследователи высказывают на этот счет серьезные сомнения [Welch 2005: 113-117].

Разработанная Г.Алмондом и С.Вербой “психологическая” концепция политической культуры, безусловно, преобладает в англоязычной литературе*. Вместе с тем уже с конца 1960-х годов стали появляться альтернативные способы концептуализации культурных аспектов политики. Термин “*political culture*” начал приобретать все новые значения, превращаясь в “зонтик для широкого и явно разнородного спектра политических проблем” [Dittmer 1977: 552]. Как отмечает Г.Экстайн, “политическая культура – это не ‘реально существующая где-то вещь’, которую можно охарактеризовать правильно или неправильно. Политическая культура – это концепт, абстракция, умозрительная конструкция, предназначенная для построения теории. В качестве таковой она должна обозначать то, что вкладывали в нее держатели патента”, т.е. те, кто ввел данное понятие в научный оборот [Eckstein 1996: 473]. В этом утверждении, несомненно, есть логика. Однако очевидно и то, что “психологическая” интерпретация политической культуры – не единственно возможный способ концептуализации связей между исторически складывающимися особенностями субъективного восприятия политики и политического поведения и функционированием/изменением политической системы. Понятие “культура” имеет целый спектр устоявшихся значений, между которыми неизбежны коннотации [краткий очерк см. Thompson 1990: 122-162]. Поэтому вполне естественно, что “культурализм” в политической науке реализуется во множестве подходов, а термин “политическая культура” используется в разных смыслах – важно лишь, чтобы его значение в каждом отдельном случае было понятно автору и читателям.

Как уже говорилось, главной альтернативой “психологическому” подходу Алмонда и Вербы выступает так наз. “социетальный” подход, сторонники которого полагают политическую культуру *свойством социальных коллективов*, укорененным в исторически обусловленных социальных практиках и репертуарах смыслов. В соответствии с данным подходом изучать политическую культуру – значит исследовать, как такого рода историческое наследие влияет на развитие и изменение социальных и институциональных практик. В то же время в его рамках возможны разные способы концептуализации самой политической культуры.

Один из них – интерпретация ее как *исторически складывающихся символических структур*, восходящая к работам известного антрополога К.Гирца. В основе этой интерпретации лежит представление о том, что человек действует в определенной системе смысловых значений, которая и есть поле

* Широкой популярностью она пользуется и в России. Не будет преувеличением сказать, что “Гражданская культура” Алмонда и Вербы – самый известный в нашей стране (по крайней мере, по пересказам) проект американской “новой” сравнительной политологии 1950-х – 1960-х годов. Без ее упоминания не обходится ни один учебник по политологии. Правда, при этом изложение данной концепции не всегда отличается внятностью: чаще всего не поясняется термин “ориентации”, опирающийся на парсоновскую теорию социального действия; чуть ли не главным достижением Алмонда и Вербы объявляется “изобретение” триады типов политических культур, которая в действительности является *инструментом*, а не результатом их исследования; смешиваются исходные гипотезы и выводы; почти не обсуждается исследовательский замысел проекта, целью которого был поиск условий, обеспечивающих стабильность демократии, и методологические проблемы, которые удалось (или не удалось) решить авторам “Гражданской культуры”.

культуры. Ориентация в социальном пространстве предполагает наличие неких систем смыслов (своеобразный культурологический эквивалент социологического понятия “ориентации”), конструируя которые мы опираемся на предшествующий культурный опыт. И хотя, по словам К.Гирца, обнаружить связь “между течением событий, формирующих политическую жизнь, и паутиной верований, образующих культуру”, невероятно сложно, именно в этом и состоит задача “культурного анализа политики”, причем решать ее должна не экспериментальная наука, занятая поиском законов, а наука интерпретирующая, ищущая смысл [Geertz 1993: 311].

Несмотря на то что открытый антисциентизм данного подхода препятствовал его интеграции в мейнстрим политической науки, в 1970-е – 1980-е годы политологи с интересом экспериментировали с идеями Гирца*. В 1977 г. Л.Диттмер, отталкиваясь от представления о символах как главных элементах политической культуры, предложил альтернативный способ ее концептуализации в качестве семиологической системы, которая включена в более широкую систему политических коммуникаций. Однако его модель, предусматривавшая совмещение разработанных антропологами методов идентификации ключевых символов с опросами [Dittmer 1977: 583]**, не получила эмпирической проверки, так и оставшись не более чем теоретическим наброском.

Другое направление концептуализации политической культуры, тяготеющее к “социетальному полюсу”, фокусирует внимание на культурных основаниях поведенческих практик. В 1970-е годы развернуть данное понятие в эту сторону пытались некоторые советологи***. В 1980-х годах интерес к интерпретируемой таким образом политической культуре был стимулирован развитием “нового институционализма”. Пожалуй, наиболее известной работой, написанной в его русле, была книга Р.Патнэма “Чтобы демократия сработала” [Putnam 1993], продолжившая начатую проектом Алмонда и Вербы линию исследования связей между исторически складывающимися культурными основаниями политических систем и условиями стабильности демократических режимов. В известной мере остается в рамках данной традиции и подход, предложенный недавно М.Маколи. Преодолевая ложное, на ее взгляд, противопоставление институционального выбора и политической культуры как факторов, “ответственных” за неудачи демократического транзита в России, Маколи призывает учитывать их взаимное влияние: каждый вновь создаваемый институт начинает формировать собственную культуру,

* Критическую оценку этих экспериментов см. Wedeen 2002: 715-716.

** “С другого конца” к идее изучения политической культуры подошла Б.Пфетч. По ее мнению, данное понятие (в “классической” его интерпретации) может быть полезным при сравнительном исследовании политических коммуникаций, поскольку их “следует объяснять не только через показатели институциональной структуры политической и медийной систем, но и через субъективные ориентации акторов обеих” [Pfetsch 2004: 347].

*** Так, Р.Такер обращал внимание на необходимость изучения не только идеальных культурных моделей, которые фиксируются опросами, но и реальных, выявляемых антропологами [Tucker 1987: 3-6]. В свою очередь, К.Джоунт определял политическую культуру как “неформальную организацию государства”, или “набор неформальных адаптивных состояний (postures), как поведенческих, так и связанных с социальными установками, которые возникают в ответ на формальные установления (идеологические, политические и институциональные), характерные для данного уровня общества, и взаимодействуют с последними [Jowitt 1974: 1173].

которая содержит элементы, обусловленные его правилами и структурой, а также специфической средой, в которой он функционирует. И в этом смысле “говорить об институтах или культуре сообщества — значит обращаться к устоявшимся и хорошо различимым практикам” [MacAuley 2005: 87].

Литература, где выдвигаются альтернативные “психологическим” способы концептуализации политической культуры, весьма обширна. Однако “социетальный” подход, будучи ориентирован преимущественно на интерпретативные методы, с трудом поддается операционализации. Не случайно большинство возникших в его рамках концепций политической культуры так и не воплотились в эмпирические исследования. Как справедливо отмечал Г.Алмонд, оценивая предложения своих оппонентов, “различные определения политической культуры — это по большей части попытки дотеоретической категоризации, направленные на обоснование важности подобных культурных переменных в объяснении политических явлений и предшествующие эмпирическим исследованиям какого-то отдельного аспекта или аспектов политической культуры” [Almond 1989: 26].

Другими словами, хотя критика выявила недостатки и ограничения “психологического” подхода к концептуализации и операционализации политической культуры*, альтернативные ему подходы не принесли весомых результатов. Складывается впечатление, что культурные аспекты политики являют собой классический пример ситуации, которую Ф.Конверс однажды суммировал фразой: “То, что важно узнать, нельзя измерить, а то, что можно измерить, — не столь важно для изучения” [Converse 1964: 206]. Разумеется, само по себе это обстоятельство — не препятствие для развития исследовательских программ и кумуляции результатов, полученных в ходе реализации отдельных проектов. Но исследования политической культуры пока не вылились в такого рода программы, и причина тому — не только нерешенные методологические проблемы, но и особенности научных дискурсов, внутри которых они обсуждаются.

111

РОССИЙСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Несмотря на относительную “проницаемость границ” между научными сообществами различных стран**, англо-американский дискурс о политической культуре отличается от российского и по преобладающим интен-

* В настоящее время исследования политической культуры, развивающие интерпретацию, сформулированную в 1960-е годы “держателями патента”, активно проводятся европейскими, азиатскими и латиноамериканскими политологами. На завершившемся недавно XX Всемирном конгрессе МАПН в Фукуоке шесть заседаний были посвящены политической культуре, две — административной и одна — корпоративной; кроме того, было несколько заседаний, на которых обсуждались “смежные” темы социального капитала, недоверия и т.п., а также культурные аспекты терроризма, миграции и проч. В целом, в разделе “политическая культура” преобладают сравнительные исследования политических ориентаций, опирающиеся на методику опросов. Их авторы считают “политическую культуру” значимой “по умолчанию”, выводя за скобки вопросы о механизмах связи между ориентациями индивидов и политическим развитием.

** О такой проницаемости свидетельствует, в частности, тот факт, что многие англоязычные работы переведены на русский язык [см., напр. Алмонд, Верба 1992; Патнэм 1996; Формизано 2002; Гирц 2004], а некоторые из российских авторов опубликовали свои работы на английском языке [Sergeev, Biryukov 1993; Gutorov et al. 1997; Lukin 2000].

циям, и с точки зрения стандартов аргументации и специфики исследовательских практик. В обоих случаях интерес к теме задается теоретическим контекстом демократизации и политической модернизации, однако “главные вопросы” формулируются по-разному. Для англо-американского дискурса по-прежнему актуальна алмондовская постановка проблемы: каковы политико-культурные условия стабильной демократии и как можно воспроизвести их в странах, вступающих на путь демократизации? В российском же контексте те же вопросы формулируются иначе: каковы возможности и пределы преобразования политической культуры и как особенности политической культуры объясняют трудности и неудачи “демократического транзита”? Истоки такого положения вещей, по всей видимости, заключаются в том, что внимание к политической культуре продиктовано не только логикой научного познания, но и политической “повесткой дня”*, которая во многом зависит от того, отводится ли данному обществу роль “учителя” или “ученика” в “школе политического развития”.

Впрочем, было бы неверно объяснять различия между российским и англо-американским академическим дискурсом исключительно факторами “общеполитического” характера. Не менее значим и собственно научный контекст. Относительная маргинализация темы политической культуры в англо-американском политологическом сообществе была обусловлена не только критикой концепции Алмонда и Вербы, но и появлением в 1970-е – 1980-е годы работ Р.Даля, Д.Растоу, А.Лейпхарта и других авторов, делавших акцент на институциональных условиях стабильности демократии. В центре англо-американского политологического мейнстрима оказались другие теоретические проблемы, и изучение политической культуры стало не столь актуальным. И хотя продолжали бурно развиваться “дочерние предприятия” – эмпирические исследования ценностных ориентаций, особенностей электорального поведения, политической идентификации и т.п., – в кругу исследователей демократизации возобладала точка зрения тех, кто видел в культуре “остаточную” категорию, к которой стоит обращаться лишь если не срабатывают другие объяснения **. Когда же в 1990-х годах вернулось убеждение, что “культура имеет значение”***, накопленный к тому времени опыт компаративных исследований и успехи “конкурирующих” направлений заставили ученых более взвешенно подойти к роли культурных факторов. Как пишет Л.Даймонд, формулируя кредо

* По мнению И.Орена, влияние “повестки дня” на разработку концепции политической культуры следует понимать буквально: так, например, он утверждает, что Г.Алмонд, С.Верба и их коллеги, создавая свою концепцию, руководствовались потребностями национальной безопасности США [Oren 2000]. Такая трактовка кажется мне чересчур “прямолинейной”, однако очевидно, что при подготовке исследовательских проектов ученые не могут не принимать во внимание проблемы, волнующие их соотечественников и современников (в т.ч. и из соображений фандрайзинга).

** Пафос Г.Экштайна, утверждавшего, что именно политико-культурный подход, а не концепцию рационального выбора следует рассматривать в качестве основной парадигмы развития политической теории [Eckstein 1988: 789-904; Eckstein 1996; см. также Mishler, Pollack 2003: 241], не встречал в те годы особого отклика.

*** Так назывались сразу два изданных на рубеже XX – XXI вв. сборника [см. Ellis, Thompson 1997; Harrison, Huntington 2000], последний из которых переведен на русский язык [Культура 2002].

современных американских “культуралистов”, политическую культуру следует рассматривать скорее в качестве “вмешивающейся”, нежели независимой переменной, ибо “ее влияние на характер и жизнеспособность демократии опосредовано множеством факторов” [Diamond 1994: 9]. Кроме того, англо-американскую политическую науку сравнительно мало затронуло увлечение *cultural studies*, стимулированное “постмодернистской” философией. Вероятно, это связано (во всяком случае — отчасти) с преобладанием в американской политологии строгих “сциентистских” стандартов исследовательской деятельности, “привитых” когда-то бихевиоризмом, а также с наличием довольно жестких институциональных границ между обществоведческими дисциплинами. Так или иначе, но в англо-американской науке постмодернистские подходы к “культуре” разрабатывают преимущественно не политологи, а антропологи, социологи, историки и философы (в т.ч. политические).

Иначе обстоит дело в России. Подавляющее большинство отечественных обществоведов убеждено в значимости социокультурных факторов, роль которых “зачастую оказывается значительно выше, чем воздействие на политический процесс институциональных структур или конституционных и законодательно-правовых норм” [Соловьев 2002: 126; ср. Бирюков, Сергеев 2004: 266]. И лишь очень немногие смотрят на “культуралистские обоснования” скептически [см., напр. Гельман 2003]. Столь высокий авторитет “культуры” в качестве объясняющей концепции, на мой взгляд, обусловлен рядом особенностей российского политологического дискурса.

Исходно интерес к “культуре” был стимулирован реакцией против марксистских схем с присущим им универсализмом и экономическим детерминизмом. Как справедливо отмечает Ю.Пивоваров, “к середине 90-х годов ‘политическая культура’ стала тем суррогатом утерянной целостности и слаженности мира, который не могли предложить другие науки, теории и школы” [Пивоваров 2002: 27]. Причем роль “и.о. старого мирозерцания” [Пивоваров 2002: 27] досталась “политической культуре” вполне закономерно: широко понимаемый “культурализм” прекрасно вписывается в национальные интеллектуальные традиции. Не случайно работы современных российских авторов изобилуют цитатами из трудов П.Чаадаева, славянофилов, К.Кавелина, Ф.Достоевского, Н.Данилевского, В.Ключевского, И.Ильина, К.Леонтьева, Н.Бердяева и других мыслителей XIX — начала XX вв., рефлексировавших по поводу особенностей русской истории и культуры. Считается, что это наследие “столь богато поразительно глубокими и пронизательными идеями и пророчествами относительно национального характера, отечественной культуры и менталитета, что и сегодня оно является важнейшим *теоретическим и методологическим источником* в исследовании феномена политической культуры и политического сознания российского общества” (курсив мой. — О.М.) [Гаман-Голтвина 2005: 41]. И действительно многие работы отечественных политологов на данную тему “теоретически и методологически” выдержаны в русле историософских традиций русской общественной мысли с присущей им умозрительностью, принципиальной неориентированностью на процедуры верификации и т.д.

Никоим образом не умаляя интеллектуальную и культурную ценность этих традиций, хочу обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, данные историософские традиции складывались в рамках другого этапа развития обществознания, а потому наследие русской общественной мысли нужно не только вспоминать, но и переосмысливать с учетом нарабатанного в XX в. Заключение классиков прошлого сами по себе не аргументы, а скорее гипотезы, подлежащие проверке. Во-вторых, при некритическом обращении с этим наследием мы рискуем угодить в теоретическую ловушку: умозрительные конструкции, не предполагающие эмпирической проверки, нельзя опровергнуть — с ними можно лишь соглашаться или не соглашаться, руководствуясь собственным интуитивным пониманием. Кроме того, отдавая предпочтение эссенциалистским концепциям, трактующим культуру как нечто однородное и безусловно “присущее” соответствующему обществу, а также интерпретативным подходам к ее описанию, мы обрекаем себя на “партикуляристский уклон”, преувеличиваем уникальность собственной политической культуры, лишаемся возможности *сравнивать* и рассматривать наш объект в разных ракурсах. Разумеется, такие ловушки можно целенаправленно обходить. Но для этого требуются определенные методологические навыки, которых по понятным причинам нашему молодому профессиональному сообществу не всегда хватает.

Завершая рассуждения о причинах популярности в России “политической культуры”, упомяну еще об одном обстоятельстве. Включению “культуры” в дискурс отечественной политической науки способствовало и то, что она входила в “первоначальный профессиональный багаж” многих российских политологов, начинавших свой творческий путь в качестве философов, историков, “научных коммунистов”, филологов и даже физиков и инженеров. Однако, будучи хорошим ресурсом, междисциплинарность одновременно оказывается и источником проблем: какофония профессиональных языков порождает “всеядность”, препятствуя “нормализации” научного языка; отсутствие жестких стандартов осложняет критическую коммуникацию и “корпоративный контроль над качеством”. Хотя с отмеченными проблемами в той или иной мере сталкиваются все социальные науки*, в политологии они стоят особенно остро. Я говорю об этом не для того, чтобы упрекнуть кого-то в недостатке профессионализма. Для каждого из нас “параметры” научного дискурса, в котором мы участвуем, — в каком-то смысле объективная реальность. Но реальность эта меняется, в т.ч. и нашими собственными усилиями. Разумеется, российский политологический дискурс никогда не станет — не может и не должен стать — *таким же*, как англо-американский. Но он может стать *другим*, творчески развивая интеллектуальные традиции, на которые опирается, и осознанно преодолевая их недостатки.

Вернемся, однако, к тому, как отечественные политологи работают с “политической культурой”. В российских исследованиях представлен практически тот же спектр дефиниций, что и в англоязычной литературе,

* Интересный анализ современных тенденций в дискурсах российских социальных наук см. Батыгин 2002: 91-102.

хотя имеются и оригинальные интерпретации*. В то же время для наших коллег весьма типично простое перечисление различных определений (нередко — без критической оценки), за которым следует вывод о “многогранности” анализируемого феномена и... “интегративное” определение, включающее в себя и “убеждения”, и “представления”, и “репертуары смыслов”, и “модели поведения”, а иногда — и “модели функционирования политических институтов”. В силу такого недифференцированного подхода разные смыслы понятия начинают смешиваться, и столь проблематичный для западных ученых скачок от “психологического” к “социальному” полюсу и обратно совершается без долгих рассуждений. Но вместо синтеза получается компиляция.

Отчасти такая “широта” подхода объясняется тем, что большая часть российских работ о политической культуре носит “теоретический” характер. Некоторые из них знакомят читателей с данной концепцией, подчеркивая ее важность для постижения мира политики [Щегорцов 1990; Пивоваров 1996а, 1996б; Арутюнян 1999, 2000; Шестопап 2000 и др.], другие описывают специфику различных политических культур [Баталов 1990; Гаджиев 1994], прежде всего — отечественной [Гудименко 1994; Пивоваров 1994; Ачкасов 1997; Каменец и др. 1997; Верченев 1999; Политическая культура России 2001; Ахиезер 2002; Политическая культура 2003], в т.ч. в региональном разрезе [Морозова 1998а, 1998б; Региональное самосознание 1999; Качкин, Качкина 2002; Лобачев 2004]. Опубликовано также немало трудов, развивающих “теорию” политической культуры [Градинар 1996; Завершинский 2002а, 2002б, 2002в; Фадеева 2002; Соловьев 2002, 2004], и пособий к соответствующим учебным курсам [Фадеева 2000; Малинова 2002; Пикалов 2004 и др.].

Примечательно, что ни Алмонд с Вербой, ни их последователи не рассматривали свою концепцию в качестве теории. Как писал Г.Алмонд, “политическая культура — не теория; она лишь указывает на набор переменных, которые могут быть использованы для создания теории” [Almond 1989: 26]. В российском же дискурсе просматривается явная тяга к теоретизированию, к созданию обобщающих моделей на фоне гораздо более скромных усилий по их эмпирической проверке. Возникает ощущение, что в стилистике отечественного политологического дискурса до сих пор сохраняется “дух” научного коммунизма**: задача видится не в том, чтобы формулировать и решать *проблемы*, а в том, чтобы представить как можно более полную и логически непротиворечивую *картину* политической реальности, дать некий объясняющий *нарратив*.

Безусловно, есть и интересные эмпирические исследования [Грунд и др. 1996; Российская повседневность 1996; Назаров 1997; Рукавишников 1998;

* К их числу относится, в частности, концепция Н.Бирюкова и В.Сергеева [Бирюков, Сергеев 1995; 1998; 2004].

** В литературе по политической культуре до сих пор можно найти следы “научно-коммунистических” подходов, о которых писал Э.Я.Баталов: стремление опираться на “авторитеты”, а не на аргументы, культурологический прогрессизм и т.п. [Баталов 1994: 35]. По-прежнему выходят в свет работы, в которых через запятую предлагаются типологии политической культуры по общественно-экономическим формациям, по цивилизационному и региональному принципу и... “по Алмонду и Вербе” [Трушков 2001: 5, 16-20].

Рукавишников и др. 1998; Шестопал 2004; Павлова 2005], но их заметно меньше, чем в англо-американской политической науке. Много работ, использующих понятие политической культуры для анализа тех или иных аспектов социальной действительности [Соловьев 1999; Шатилов 2000; Ачкасов, Бабаев 2000; Крадин 2000; Ширинянц 2002; Лукин 2005 и др.]*. Дать подробный анализ этой обширной литературы в рамках одной статьи заведомо невозможно, поэтому выделю лишь некоторые тенденции.

Как уже говорилось, в центре внимания отечественных исследователей находятся два главных вопроса: о возможности и пределах преобразования политической культуры и о ее влиянии на ход “демократического транзита”. Эти несомненно взаимосвязанные вопросы целесообразно аналитически разделить, поскольку есть очевидные различия в интерпретации “политической культуры” в зависимости от того, что ставится во главу угла: то, как меняется данная культура, или то, почему не получается с демократизацией.

В работах, сосредоточенных на вопросе “как”, политическая культура рассматривается в качестве *сложного и разнородного комплекса*, который, будучи весьма консервативным, все-таки способен к постепенным *изменениям*. Подобный подход характерен в первую очередь для специалистов по политической социологии и психологии, занимающихся эмпирическими и сравнительными исследованиями [см., напр. Рукавишников и др. 1998; Шестопал 2004; Патрушев 2005], но его разделяют и некоторые “теоретики”. Так, А.Соловьев справедливо указывает на то, что современная российская политическая культура весьма разнородна и состоит из множества субкультур, которые “параллельно вписываются в общую логику политического развития общества, самостоятельно реагируя на предлагаемые институциональные новации”. Хотя каждое из этих “субкультурных образований” меняется очень медленно, сама их разнородность, сосуществование “разнообразных стереотипов и традиций задает некую социальную ‘рыхлость’ пространству власти, позволяя укоренять в нем самые различные политические институты”. Таким образом, культурная реакция общества на институциональные изменения оказывается далеко не линейной (и пролонгированной) [Соловьев 2004: 317-318]. По мысли А.Соловьева, данное обстоятельство свидетельствует о том, что “политическая культура (благодаря своему сотовому строению) больше сегментирует, чем обеспечивает целостность политической системы” [Соловьев 2004: 318]. Это заключение противоречит выводам Н.Бирюкова и В.Сергеева, рассматривающих политическую культуру как “интегрирующий общество механизм”. По-видимому, подобное расхождение в оценках в какой-то мере обусловлено разным толкованием “политической культуры”: Бирюков и Сергеев квалифицируют ее как “базисные знания о социальной жизни, которые разделяются достаточно большой частью общества и определяют для этой части общества понимание конкретных политических

* Показательно, что некоторые из этих работ (к их числу, к сожалению, относится и одна из моих собственных [Малинова 2000]), имея “политическую культуру” в названии, не предлагают внятной характеристики содержания данного понятия. “Политическая культура” воспринимается как интуитивно ясный термин, содержание которого не требует уточнений.

ситуаций и поведение в них” [Бирюков, Сергеев 2004: 16]*, а Соловьев видит в ней совокупность не только “ментальных образований”, но и ценностных ориентаций, определяющих “приемлемость” или “неприемлемость” для субъектов тех или иных институциональных изменений [Соловьев 2004: 318]. Вместе с тем, что гораздо существеннее, интерпретации, акцентирующие плюрализм субкультур, побуждают искать реальные механизмы интеграции сложной и неоднородной политической культуры постсоветского общества, фиксировать ее динамику**, делать сравнения. Такой подход особенно важен с точки зрения целенаправленного влияния на политическую социализацию и, в частности, на практики гражданского образования***.

Большинство работ, пытающихся найти ответ на вопрос о причинах неудачи российской демократизации, трактуют политическую культуру как относительно неизменный “монолит”, предопределяющий неизбежность “возвращения к тому, что было всегда” [Пивоваров 2006: 15]****. Подобная интерпретация не обязательно свидетельствует о том, что развивающие ее авторы не отдают себе отчета в “сложности” политической культуры, — скорее они стремятся акцентировать тенденции, которые кажутся им определяющими. Однако в результате такой редукции доминирующие формы политической культуры предстают в роли факторов, жестко детерминирующих развитие общества.

Интерпретации, подчеркивающие монолитность и неизменность российской культуры, пожалуй, преобладают в отечественном политологическом дискурсе (возможно, потому, что в нынешнем социально-политическом контексте вопрос “кто виноват?” кажется более актуальным, нежели вопрос “что делать?”). Впрочем, они весьма влиятельны и в англо-американской политической науке — достаточно вспомнить об успехе работ С.Хантингтона о “столкновении цивилизаций” [Huntington 1993, 1996; Хантингтон 1994]. Думается, однако, что такого рода интерпретации — шаг назад по сравнению с концепцией *political culture*, разрабатывая которую, Алмонд и Верба стреми-

* Согласно Бирюкову и Сергееву, элементы политической культуры, определяемые как *социальная онтология, ценности и операциональный опыт*, обладают различной степенью пластичности и вариативности. Однако поскольку при анализе влияния традиционной культуры на становление представительных институтов власти в СССР и РФ эти авторы делают особый акцент на социальной онтологии, которая интерпретируется как “предельно консервативная и не поддающаяся коррекции” [Бирюков, Сергеев 2004: 16-18, 242], их концепция оказалась развернута в сторону не “гетерогенно-динамического”, а “монолитно-неизменного” полюса интерпретаций, о котором речь пойдет ниже.

** В качестве примера можно привести исследования коллектива ИСП РАН под руководством С.Патрушева, а также работы одного из членов этого коллектива — Г.Кертмана, демонстрирующие значимость таких адаптивных механизмов постсоветской политической культуры, как традиционалистская реинтерпретация новых институтов и “катастрофизм”, смягчающий социально-психологические последствия перемен [Патрушев 2005; Кертман 2000]. Интересный анализ трансформации советской политической культуры предлагается в работе А.Зудина, который подвергает сомнению “моностилистическую модель” советской культуры, воспроизводящую ее “официальный автопортрет” [Зудин 2002].

*** В данной связи можно сослаться на опыт Пермской области, где действует Областная целевая программа развития политической и правовой культуры населения [Информационно-нормативный бюллетень 2004].

**** Ср. вывод И.Глебовой: “Нельзя вернуться к тому, от чего не уходили” [Глебова 2006: 33].

лись преодолеть очевидные недостатки теорий “национального характера”, весьма популярных в публицистике XIX в. и поставленных на “научную почву” американскими психологами и антропологами в годы второй мировой войны [Almond 1989: 14-15]. И дело здесь не в издержках редукционизма: аналитическая ясность всегда обретается ценой редукции, главное, чтобы отсекаемое действительно было несущественным. На мой взгляд, модели, учитывающие плюрализм субкультур, сложные механизмы их взаимодействия и интеграции, противоречивую динамику разных пластов политической культуры, более перспективны для понимания данного феномена и более “современны” (в смысле соответствия интеллектуальным тенденциям начала XXI в.). Конечно, это вопрос исследовательских предпочтений. Но проблема еще и в том, что холистские интерпретации сопряжены с определенными дискурсивными рисками. Так, представляя культуру в качестве “монолита”, сложнее удерживать дистанцию между аналитической категорией (выделенной по принципу противопоставления другим аспектам политической жизни, которые не есть культура) и ярлыком, указывающим на некие неизменные черты конкретного сообщества. Смешение же этих смыслов оборачивается культурным детерминизмом не только в абстрактно-теоретической, но и в практико-идеологической области.

“ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА” В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

118

Как уже отмечалось, словосочетание “политическая культура” активно используется в России не только в научной, но и в политической коммуникации. Аналогичным образом обстоит дело и в англоязычных странах. По замечанию А.Брауна, “политическая культура – понятие, вошедшее в повседневный язык. Оно появляется в солидных газетах, иногда его используют политики (подчас смутно понимая, что именно они хотят сказать)” [Brown 2005: 182]. И в этом нет ничего удивительного. Категории общественных наук постоянно проникают в публичный дискурс, обычно утрачивая при этом строгость содержания. Хотя каналы подобного “проникновения” проследить довольно трудно, само оно не вызывает сомнений. Слово ученого обладает реальным весом и за рамками научного дискурса. Авторитет “науки” встроен в культуру современного общества, и апелляция к нему является важным ресурсом, позволяющим упрочить позиции говорящего (часто – вне зависимости от степени его владения предметом). Так или иначе становятся достоянием “широкой публики” и плоды деятельности ученых-обществоведов, отчасти – благодаря их презентации целевым аудиториям (через практические семинары и конференции, публикации в массовых изданиях и др.), но в большей степени – в обобщенном виде, через систему образования и СМИ. Другими словами, ученые наделены определенной символической властью, ибо принадлежат к числу групп, *дающих названия* вещам. Но эту власть не следует преувеличивать, тем более что обмен является взаимным. Играя значимую роль в наполнении “резервуаров смыслов”, которыми люди оперируют при интерпретации – и конструировании – своего социального бытия, ученые не менее активно (и не всегда осознанно) черпают из тех же источников.

Пожалуй, единственная (хотя и весьма существенная) российская особенность — отсутствие жестких границ между дилетантским и профессиональным знанием о политике. “Знаток” политологии считает себя чуть ли не каждый выпускник советского вуза (ведь курс “общественных наук” прослушали и философы, и инженеры)*, и на статус “специалистов” претендуют люди, весьма поверхностно знакомые с состоянием этой дисциплины. К сожалению, нашему научному сообществу пока не удается ни поддерживать строгие стандарты профессиональной деятельности, ни соответствующим образом представлять производимое им знание широкой публике.

В этой части статьи я попытаюсь проследить некоторые тенденции в использовании термина “политическая культура” в публичном дискурсе. Объектом моего анализа будут тексты российских политиков и публичных деятелей, обращающихся к “политической культуре” и прямо или косвенно апеллирующих к “научному” пониманию данного предмета.

По моим наблюдениям, понятие “политической культуры” выполняет в публичном дискурсе две основные (и взаимосвязанные) функции: оно работает на конструирование коллективных идентичностей (граждан, членов нации, “большинства” и т.д.) и служит для обоснования тех или иных политических программ. И в том, и в другом случае имеет место конкуренция разных интерпретаций.

В публичном дискурсе термин “политическая культура” чаще всего употребляется в широком значении, в качестве синонима “национального характера”, “менталитета” и вообще “национальных” (“цивилизационных”) черт. Впрочем, надо отметить, что подобное “нестрогое” использование термина — не редкость и в научной литературе. При этом говорящие/пишущие обычно воспроизводят восходящий еще к дискуссиям XIX в. список “общепризнанных” характеристик русской политической культуры. К их числу принято относить склонность к авторитарной власти и признанию доминирующей роли государства, неспособность к самоорганизации, приверженность коллективизму, равенству и справедливости, правовой нигилизм и проч.** Происхождение данных особенностей отечественной политической культуры увязывается с географией, климатом, историей, религией и типом цивилизации. К этому способу интерпретации, как правило, прибегают политики, находящиеся в более или менее жесткой оппозиции по отношению к Западу и выдвигающие программы, которые отстаивают “собственный путь” развития и независимую (от Запада) внешнюю политику.

Конструируемая таким образом модель коллективной идентичности оспаривается политиками и интеллектуалами из либерально-западного лагеря. Особого внимания в этом плане заслуживает деятельность

* В моей коллекции есть визитная карточка, хозяин которой представлен одним словом — “политолог”, без указания “институциональной принадлежности”, ученых степеней и т.д. Думается, немного найдется “квалификаций”, которые можно было бы столь же легко себе присвоить.

** В относительно полном виде данный список представлен в статье Д.Гудименко [Гудименко 1994]. Недавно А. и П.Лукины попытались поставить под сомнение некоторые из этих “констант” — правда, в статье, опубликованной на английском языке [Lukin, Lukin 2005].

фонда “Либеральная миссия” (www.liberal.ru), сосредоточившего усилия на развитии диалога между либералами-западниками и либерально настроенными “почвенниками” [Западники и националисты 2004]. Свою задачу организаторы этих дискуссий видят в том, чтобы поставить под сомнение “монолитную” версию российской политической культуры. “Либеральная миссия” стремится широко освещать результаты эмпирических исследований, подвергающих тестированию “константы” отечественной политической культуры. В частности, можно сослаться на проект “Самоидентификация россиян в начале XXI в.”, авторы которого обнаружили в российском обществе довольно крупный сегмент, ориентированный на нормы и принципы современной (модернистской) культуры и отвергающий как “традиционные” ценности, так и авторитарную модель политического управления. Согласно выводу Т.Кутковец и И.Клямкина, главной особенностью современной российской политической культуры является не столько традиционализм, сколько острый конфликт различных субкультур [Кутковец, Клямкин 2002а, 2002б]. Отсюда следует, что интерпретации, объявляющие “настоящей” лишь авторитарно-традиционалистскую субкультуру, мягко говоря, не вполне адекватны.

Не так давно у либералов-западников появился соперник в лице идеологов “Единой России”, активно эксплуатирующих тему политической культуры для конструирования “эклектичной” модели коллективной идентичности, сочетающей традиционные стереотипы с более сбалансированной оценкой основных “объектов соотнесения” – “нашего прошлого” и “Запада”. Этот идеологический проект призван обосновать путинскую программу модернизации “сверху”. И “правильная” интерпретация русской политической культуры играет в нем немаловажную роль. В июне 2006 г. “Единая Россия” и издательство “Европа” при участии РГГУ провели в Москве месячную акцию “Дни русской политической культуры”, которая широко освещалась СМИ. Согласно официальному заявлению, задача акции – “утверждение в общественном и политическом сознании российского общества понимания основ русской политической культуры” [“Единая Россия” 2006]. Следует заметить, что сама по себе идея довольно стара: о том, что “России нужна новая политическая культура, признающая огромные достижения страны как за последние десять лет, так и в советском прошлом”, идеологи и активисты новой партии власти говорят давно [Новая общественно-политическая культура 2003]. Образ русской политической культуры, представленный участниками июньской акции, призван способствовать, с одной стороны, легитимации действующего политического режима, а с другой – интеграции общества вокруг новой стратегии национального успеха.

Показательно, что участники акции говорили о *русской*, а не о *российской* политической культуре. Смело внедряя прежде считавшийся “неполиткорректным” термин, организаторы акции преследовали двоякую цель: дистанцироваться от политики ельцинского периода и “национального нигилизма” “либералов-западников”, стремившихся продвигать “гражданский” вариант национальной идентичности, и “реабилитировать” традиции имперского прошлого и культуру, за которой исторически закрепи-

лось наименование “русская”. Впрочем, высказываясь за “восстановление в правах” русской идентичности, член Президиума Генерального совета ЕР А.Исаев подчеркивал, что определять ее следует в терминах языка и культуры, а не происхождения [Исаев 2006].

В рамках акции с публичными лекциями выступили известные политики, деятели культуры, представители русской православной церкви, журналисты и т.д. Предложенные ими интерпретации русской политической культуры заметно варьировались. Однако можно выделить две сквозные темы, так или иначе звучавшие в большинстве выступлений: (1) мы не должны “стесняться” собственной политической культуры [Чаплин 2006] и (2) “культура определяет политику” [Кончаловский 2006], а значит – России нужна политика, отвечающая ее политической культуре [Исаев 2006].

Какой же образ русской политической культуры пытаются утвердить “в общественном и политическом сознании российского общества” единороссы? Прежде всего, он отнюдь не “монолитен”. Так, ссылаясь на политологов, которые выделяют “три типа политической культуры – тоталитарную, авторитарную и демократическую”*, губернатор Тверской области Д.Зеленин доказывал, что в России, вопреки стереотипам, все три типа “существовали в исторической взаимосвязи”. И хотя “авторитарная составляющая в России обычно совпадала с историческими особенностями нашей страны, требовавшими как раз мобилизации ресурсов для того, чтобы обеспечить ее безопасность... как правило, она не вытесняла народную составляющую, которая была связана с идеями свободы и самоуправления” [Зеленин 2006]. Правда, доминировал, по Зеленину, все же авторитарный тип властной культуры. Однако и здесь были свои противовесы, ибо “тот же самодержец не может править без посредствующих властей”. Уроки русской политической культуры, таким образом, свидетельствуют о том, что “желанный путь эволюции российской государственной системы не в государственном ограничении и размывании президентской власти, а в обретении опыта последующими, посредствующими властями. Если станут сильными партии, если они поднимут на новый качественный уровень зрелость законодательной власти, то исторический акцент на властецентризме исправится сам собой. И эта российская традиция эволюционным путем подведет нас к полноценной российской модели демократии, которая будет хороша тем, что она выросла из отечественных традиций” [Зеленин 2006].

121

Очевидно, что под “партиями” в данном случае понимается в первую очередь сама ЕР. Эта тема была развита в лекции А.Исаева, представившего развернутый образ русской политической культуры, элементы которого идеально соответствуют политике, проводимой В.Путиным, и программе ЕР. Согласно Исаеву:

– главным фактором национальной самоидентификации является государство, которое “воспринимается как абсолютная ценность” (отсюда

* Это – один из продуктов “теоретизирования” российских политологов, кочующий из учебника в учебник. В некоторых из них данная типология обосновывается тем, что “содержание политической культуры определяется господствующим политическим режимом власти” [Кравченко 2001]. Вряд ли надо пояснять, насколько такая “теория” далека от концепции “держателей патента”.

потребность в “суверенной демократии” — ведь в России может утвердиться любой политический режим, лишь бы он не угрожал суверенитету и “национальной идентичности, проявляющейся через государство”);

— наша политическая культура “склонна к идеократии”, “русский народ хочет идейного удовлетворения больше, чем идеального” (отсюда необходимость “возрождения России как сверхдержавы”);

— “русская политическая традиция предполагает наличие ясно обозначенного лидера” (поэтому ЕР открыто объявляет себя партией Путина);

— важная черта русской политической культуры — соборность, ибо “наличие сильного лидера в России всегда уравнивалось склонностью к детальному обсуждению, сопоставлению различных точек зрения, выработке соборного решения” (отсюда проект Общественной палаты);

— для России характерно особое понимание ценностей справедливости (последняя воспринимается как “соответствие моральному чувству”, а отнюдь не равенство — отсюда правомерность программы социальных реформ), свободы (этот элемент “нуждается в пестовании”, чем и собирается заняться ЕР) и т.д.

Вывод напрашивается сам собой: Россия находится в состоянии транзита и нуждается в “политической силе, которая возьмет на себя ответственность” за его реализацию. На данный момент существует только одна такая сила — ЕР, единственная “партия русской политической культуры”, которой и должна принадлежать власть. Другим же партиям надо “повзрослеть”, а для этого — “соотнести себя с русской политической традицией”. Как только это произойдет, ЕР проиграет выборы и уйдет в оппозицию [Исаев 2006]. Однако такая перспектива пока остается весьма туманной.

В ходе акции активно обсуждался вопрос о “самостоятельности” русской политической культуры, о потребности в “модернизации, но с опорой на *свою* традицию”. По мысли митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, постулат о необходимости модернизации “сегодня должны принять и почвенники, и либералы, и западники, и патриоты”. Но “ни одна политическая сила, приходя к власти, не имеет права ставить под вопрос духовную и культурную самобытность своей страны, Россия должна остаться Россией”, а потому следует заботиться о сохранении “базисных” ценностей. В качестве примера такого подхода митрополит Кирилл привел Декларацию о правах и достоинстве человеческой личности, принятую недавно X Всемирным русским народным собором [Кирилл 2006].

Еще более остро поставил проблему “самостоятельности” другой представитель РПЦ — глава отдела межхристианских связей Московского патриархата В. Чаплин. По его словам, “Россия не должна стесняться своей политической культуры”, которая, в отличие от западных культур, основана на “идеале единства народа и власти”. Идею “балансирования расходящихся интересов через их столкновение и через их взаимоисключающее подчеркивание” поддерживают максимум 10% населения планеты, которые уже “теряют власть — в силу того, что остальная часть этого населения начинает осознавать свои интересы, свою инаковость”. Поэтому “нам не нужно бояться декларировать какие-то вещи, даже если они не совпадают с уходящей политической культурой”, навязываемой Западом [Чаплин 2006].

Образ русской политической культуры, представленный участниками акции, отличается от того монолитно-традиционалистского “портрета”, который в середине 1990-х годов тиражировали сторонники народно-патриотической оппозиции [Зюганов 1996; Подберезкин 1998]. Проект единосроссов ориентирован на поддержку программы авторитарной модернизации, он признает известную гетерогенность отечественной политической культуры и указывает на возможность ее развития (разумеется, при умелом руководстве). Однако нетрудно заметить, что при всей “широте” подхода и стремлении учесть разные аспекты и тенденции, данный образ репрессивен по отношению к иным интерпретациям: все, что не вписывается в его рамки, может быть объявлено чуждым отечественным традициям — с последующим зачислением сторонников альтернативных политических курсов в ряды “не желающих”, чтобы “Россия оставалась Россией”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные примеры показывают, как легко понятие, разработанное для “нейтрального” сравнительного анализа культурных оснований стабильности демократических режимов, приобретает нормативные и предписывающие функции, превращаясь в средство обоснования конкретных программ. Идеологизация “политической культуры” облегчается, с одной стороны, многозначностью термина*, а с другой — встроенными уже в базовую концепцию Алмонда и Вербы нормативными “уклонами”. Не стоит забывать, что эта концепция разрабатывалась в годы холодной войны, в контексте жесткого противостояния “демократии” и “тоталитаризма”. “Политическая культура” указывала на совокупность исторически сложившихся свойств, которые оказывались своего рода “пропуском” в “хорошее” (т.е. демократическое) общество. Вряд ли вынесение такого рода вердиктов входило в планы авторов “Гражданской культуры” (скорее, наоборот: стремление “изучить демократию с точки зрения чувств и отношений” было продиктовано желанием дать “элитам новых наций” рецепты успеха [Almond, Verba 1989: 4]). Однако их проекту (как и теориям политической модернизации, в русле которых он задумывался) был не чужд “культурный империализм”, т.е. стремление представить некий опыт как универсальный и нормативно желательный, задав тем самым шкалу для оценки других типов опыта. Независимо от намерений его авторов проект вносил определенную лепту в конструирование коллективных идентичностей изучаемых сообществ, ибо его результаты имели не только теоретическое, но и практическое значение. Тем, у кого не было шансов получить “высокие оценки”, оставались две стратегии: пытаться усовершенствоваться в соответствии с предложенными стандартами (рассматривая знание о поли-

* По-видимому, выбор словосочетания “политическая культура” для обозначения “политической системы, как она преломляется в знаниях, чувствах и оценках населения” [Almond, Verba 1989: 13], был не вполне удачным. Слово культура имеет множество ценностно окрашенных коннотаций, что затрудняет его применение в качестве нейтральной аналитической категории: слишком велик соблазн свести “культуру” к “чертам”, присущим конкретному сообществу, и перевести обсуждение в плоскость символической борьбы за определение и переопределение его “идентичности”.

тической культуре демократических режимов как ориентир для программ гражданского образования и т.п.) или ввести другие стандарты, которые бы оправдывали их “инаковость”. Обе стратегии представлены в российском публичном дискурсе, хотя вторая, несомненно, доминирует.

Впрочем, было бы неверно объяснять эффект идеологизации “политической культуры” исключительно “нормативными уклонами” исходной концепции. Стремление политических акторов найти идеологические решения, позволяющие “узаконить” их программы в глазах населения, равно как и желание обратиться при этом к культуре и традициям, вполне понятны. Понятно и то, что, интерпретируя культуру и традиции, партийные идеологи хотят не столько воспользоваться плодами научного знания, сколько использовать его авторитет в собственных целях. Они делают свое дело и справляются с ним неплохо. Вопрос в том, смогут ли российские политологи предложить альтернативные интерпретации, опирающиеся на серьезные исследования, — и не просто предложить, но эффективно представить их широкой публике, проведя ясную границу между научным и политико-идеологическим дискурсом? Хотелось бы верить, что когда-нибудь так и будет: и интерес отечественных исследователей к данной теме, и уже имеющиеся заделы внушают определенный оптимизм. Однако стоит поторопиться, чтобы границу не провели те, кто мечтает вернуться к “принципу партийности в науке”, предписав обсуждать политическую культуру исключительно в соответствии с “генеральной линией”.

- Алмонд Г., Верба С. 1992. Гражданская культура и стабильность демократии. — *Полис*, № 4.
- Арутюнян Л.Н. 1999. Концепция политической культуры: состояние и перспективы. — *Политическая наука современной России: тенденции развития*. М.
- Арутюнян Л.Н. 2000. Политическая культура: процессы формирования и изменения (О некоторых гипотетических основаниях одной теоретической модели). — *Образы власти в политической культуре России*. М.
- Ахизер А.С. 2002. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование). — *Pro et contra*, № 3.
- Ачкасов В.А. 1997. “Взрывающаяся архаичность”: Традиционализм в политической жизни России. СПб.
- Ачкасов В.А., Бабаев С.А. 2000. “Мобилизованная этничность”: Этническое измерение политической культуры современной России. СПб.
- Баталов Э.Я. 1990. *Политическая культура современного американского общества*. М.
- Баталов Э.Я. 1994. Советская политическая культура (К исследованию распадающейся парадигмы). — *Общественные науки и современность*, № 6.
- Батыгин Г.С. 2002. Тематический репертуар и язык социальных наук. — Дробичева Л.М. (ред.) *Россия реформирующаяся*. М.
- Бирюков Н.И., Сергеев В.М. 1995. Парламентская деятельность и политическая культура. — *Общественные науки и современность*, № 1.
- Бирюков Н.И., Сергеев В.М. 1998. Между дуализмом и соборностью (Проблема и механизмы социальной интеграции в современном обществе). — *Общественные науки и современность*, № 4.
- Бирюков Н.И., Сергеев В.М. 2004. *Становление институтов представительной власти в современной России*. М.
- Верченев Л.Н. 1999. Политическая культура: российские пути и перепутья. — *Политическая наука современной России: тенденции развития*. М.
- Гаджиев К.С. (ред.) 1994. *Политическая культура: теория и национальные модели*. М.

Гаман-Голутвина О.В. 2005. Развитие категории “политическая культура” в общественно-политической мысли. — *ПОЛИТЕКС: Политическая экспертиза*. Вып. 2. СПб.

Гельман В.Я. 2003. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике. — *Полис*, № 4.

Гирц К. 2004. *Интерпретация культур*. М.

Глебова И.И. 2006. Политическая культура современной России: облики новой русской власти. — *Полис*, № 1.

Градинар И.Б. 1996. *Политическая культура: мировоззренческое измерение*. СПб.

Грунд З.А. и др. 1996. Российская повседневность и политическая культура: проблема обновления. — *Полис*, № 4.

Гудименко Д.В. 1994. Политическая культура России: преемственность эпох. — *Полис*, № 2.

“Единая Россия” напомнит о русской политической культуре. 2006. — <http://www.rfn.ru/cnews.html?id=95832>.

Завершинский К.Ф. 2002а. *Методологические и семантические векторы политической легитимности*. Великий Новгород.

Завершинский К.Ф. 2002б. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии. — *Полис*, № 3.

Завершинский К.Ф. 2002в. Концепт легитимности как дискурсивная основа анализа политической культуры. — *Принципы и практика политических исследований*. М.

Западники и националисты: возможен ли диалог? 2004. М.

Зеленин Д. 2006. Политическая культура формирует имидж власти в глазах россиян. Публичная лекция, прочитанная в РГГУ 6.06.2006. — <http://kreml.org/opinions/120196801>.

Зудин А.Ю. 2002. “Культура имеет значение”: к предыстории российского транзита. — *Мир России*, № 3.

Зюганов Г.А. 1996. *Россия — Родина моя. Идеология государственного патриотизма*. М.

Информационно-нормативный бюллетень по вопросам развития политической и правовой культуры. 2004. № 3. Пермь.

Исаев А. 2006. “Единая Россия” — партия русской политической традиции. Публичная лекция, прочитанная в РГГУ 16.06.2006. — <http://kreml.org/opinions/120981977>.

Каменец А.В., Онуфриенко Г.Ф., Шубаков А.Г. 1997. *Политическая культура России*. М.

Качкин А.В., Качкина Т.Б. 2002. Политическая культура региональной элиты как фактор социальной политики. — *Принципы и практика политических исследований*. М.

Кертман Г.Л. 2000. Катастрофизм в контексте российской политической культуры. — *Полис*, № 4.

Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. 2006. От результата диалога политического мира с Церковью будет зависеть наше будущее. Публичная лекция, прочитанная в РГГУ 26.06.2006. — <http://kreml.org/opinions/121811755>.

Кончаловский А. 2006. Публичная лекция, прочитанная в РГГУ 3.06.2006. — <http://kreml.org/opinions/120089066>; <http://www.3dway.org/articles/7/64/3031>.

Кравченко А.И. 2001. *Культурология*. М.

Крадин Н.Н. 2000. Элементы традиционной власти в постсоветской политической культуре. — *Образы власти в политической культуре России*. М.

Культура имеет значение. 2002. М.

Кутковец Т.И., Клямкин И.М. 2002а. Нормальные люди в ненормальной стране. — *Московские новости*, № 25.

Кутковец Т.И., Клямкин И.М. 2002б. Новые люди в старой системе. — *Новые известия*, № 170-171.

- Лобачев А.И. (ред.) 2004. *Псковская политическая культура: традиции и современность*. Псков.
- Лукин А.В. 2005. *Невежество против несправедливости: политическая культура российских “демократов”*. М.
- Малинова О.Ю. 2000. Либерализм и политическая культура современной России (На примере анализа партийной идеологии). — *Образы власти в политической культуре России*. М.
- Малинова О.Ю. 2002. *Исследования политической культуры*. М.
- Морозова Е.В. 1998а. *Региональная политическая культура*. Краснодар.
- Морозова Е.В. 1998б. Современная политическая культура Юга России. — *Полис*, № 6.
- Назаров М.М. 1997. *Политическая культура современного российского общества*. М.
- Новая общественно-политическая культура от “Единой России”. 2003. — *Независимая газета*, 17.06.
- Павлова Т.В. 2005. Изменения в политической культуре и модели демократии. — Патрушев С.В. (ред.) *Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России*. М.
- Патнэм Р. 1996. *Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии*. М.
- Патрушев С.В. (ред.) 2005. *Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России*. М.
- Пивоваров Ю.С. 1994. *Политическая культура пореформенной России*. М.
- Пивоваров Ю.С. 1996а. *Политическая культура. Методологический очерк*. М.
- Пивоваров Ю.С. 1996б. Концепция политической культуры в современной науке. — *Политическая наука. Теоретико-методологические и историко-культурные исследования*. М.
- Пивоваров Ю.С. 2002. Русская политическая культура и political culture (Общество, власть, Ленин). — *Pro et contra*, № 3.
- Пивоваров Ю.С. 2006. Русская власть и публичная политика (Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита). — *Полис*, № 1.
- Пикалов Г.А. 2004. *Теория политической культуры*. СПб.
- Подберезкин А. 1998. *Русский путь*. М.
- Политическая культура: региональные, общероссийские и международные аспекты*. 2003. Пермь.
- Политическая культура России: история, современное состояние, тенденции, перспективы*. 2001. СПб.
- Политическая наука: новые направления*. 1999. М.
- Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России*. 1999. М.
- Российская повседневность и политическая культура: возможности, проблемы и пределы трансформации*. 1996. М.
- Рукавишников В.О. 1998. Политическая культура постсоветской России. — *Социально-политический журнал*, № 1.
- Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. 1998. *Политическая культура и социальные изменения: международные сравнения*. М.
- Соловьев А.И. 1999. Культура власти российской элиты: искушение конституционализмом? — *Полис*, № 2.
- Соловьев А.И. 2002. Политическая культура: к проблеме идентификации национальных моделей. — *Принципы и практика политических исследований*. М.
- Соловьев А.И. 2004. Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита. — *Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции*. М.
- Трушков В.В. 2001. *Общество и отечественная политическая культура. XX век*. М.
- Фадеева Л.А. 2000. *Политическая культура*. Пермь.

- Фадеева Л.А. 2002. Категория политической культуры в инструментарии отечественной политологии. — *Принципы и практика политических исследований*. М.
- Формизано Р.Л. 2002. Понятие политической культуры. — *Pro et contra*, № 3.
- Хантингтон С. 1994. Столкновение цивилизаций? — *Полис*, № 1.
- Чаплин В. 2006. Россия не должна стесняться своей политической культуры. Выступление на международной конференции “Русская политическая культура и формирование политических культур стран Евразии”. Волынское, 30.06.2006. — <http://www.kreml.org/opinions/122522845>.
- Шатилов А.Б. 2000. Динамика политико-культурных предпочтений россиян и трансформация партийной системы Российской Федерации в 90-е гг. — *Образы власти в политической культуре России*. М.
- Шатилов А.Б. 2002. Постсоветские подходы к изучению политической культуры. — *Pro et contra*, № 3.
- Шестопал Е.Б. 2000. *Психологический профиль российской политики 1990-х: теоретические и прикладные проблемы политической психологии*. М.
- Шестопал Е.Б. 2004. Личность и власть: попытка микрополитического анализа перспектив демократизации в постсоветской России. — *Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции*. М.
- Ширинянц А.А. 2002. *Вне власти и народа: политическая культура интеллигенции России XIX – XX вв.* М.
- Щегорцов В.А. 1990. *Политическая культура: модели и реальность*. М.
- Almond G. 1989. The Intellectual History of the Civic Culture Concept. — Almond G., Verba S. (eds.) *The Civic Culture Revisited*. L.
- Almond G. 1994. Foreword: the Return to Political Culture. — Diamond L. (ed.) *Political Culture and Democracy in Developing Countries*. Boulder.
- Almond G., Verba S. 1989. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. L.
- Brint M. 1991. *Genealogy of Political Culture*. Boulder.
- Brown A. 2005. “Conclusions”. — Whitefield S. (ed.) *Political Culture and Post-Communism*. Oxford.
- Chilton S. 1988. Defining Political Culture. — *World Politics*, vol. 27, № 2.
- Converse P.E. 1964. The Nature of Belief Systems in Mass Public. — Apter D.E. (ed.) *Ideology and Discontent*. Glencoe.
- Diamond L. 1994. Introduction: Political Culture and Democracy. — Diamond L. (ed.) *Political Culture and Democracy in Developing Countries*. Boulder.
- Dittmer L. 1977. Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis. — *World Politics*, vol. 29, № 4.
- Eckstein H. 1988. A Culturalist Theory of Political Change. — *American Political Science Review*, vol. 82, № 3.
- Eckstein H. 1996. Culture as a Foundation Concept for the Social Sciences. — *Journal of Theoretical Politics*, vol. 8, № 4.
- Ellis R.J., Thompson M. (eds.) 1997. *Culture Matters: Essays in Honor of Aaron Wildavsky*. Boulder.
- Fleron F. 1996. Post-Soviet Political Culture in Russia: an Assessment of Recent Empirical Investigations. — *Europe-Asia Studies*, vol. 48, № 2.
- Geertz C. 1993. *The Interpretations of Cultures*. L.
- Gendzel G. 1997. Political Culture: Genealogy of a Concept. — *Journal of Interdisciplinary History*, vol. 28.
- Gutorov V., Koryushkin A., Meyer G. (eds.) 1997. *Political Culture and Political Change in Post-Communist Societies*. St. Petersburg.
- Harrison L.E., Huntington S.P. (eds.) 2000. *Culture Matters. How Values Shape Human Progress*. N.Y.
- Huntington S. 1993. The Clash of Civilizations? — *Foreign Affairs*, vol. 72, № 3.
- Huntington S. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.

- Johnson J. 2001. Conceptual Problems as Obstacles to Progress in Political Science. Four Decades of Political Culture Research. — *Journal of Theoretical Politics*, vol. 15, № 1.
- Jowitt K. 1974. An Organizational Approach to the Study of Political Culture in Marxist-Leninist Systems. — *American Political Science Review*, vol. 68, № 3.
- Laitin D.D. 1995. The Civic Culture at 30. — *American Political Science Review*, vol. 89, № 1.
- Laitin D. 1998. Political Culture and Political Preferences. — *American Political Science Review*, vol. 92, № 3.
- Lukin A. 2000. *The Political Culture of the Russian "Democrats"*. Oxford.
- Lukin A., Lukin P. 2005. Myths about Russian Political Culture and the Study of Russian History. — Whilefield S. (ed.) *Political Culture and Post-Communism*. Oxford.
- MacAuley M. 2005. Bringing Culture into Political Analysis: The Reform of the Russian Judiciary. — Whilefield S. (ed.) *Political Culture and Post-Communism*. Oxford.
- Mishler W., Pollack D. 2003. On Culture, Thick and Thin: Toward a Neo-Cultural Synthesis. — Pollack D., Jacobs J., Мӱler O., Pickel G. (eds.) *Political Culture in Post-Communist Europe. Attitudes in New Democracies*. Burlington.
- Oren I. 2000. Is Culture Independent of National Security? How America's National Security Concerns Shaped 'Political Culture' Research. — *European Journal of International Relations*, vol. 6, № 4.
- Pay L. 1965. Introduction: Political Culture and Political Development. — Pye L., Verba S. (eds.) *Political Culture and Political Development*. Princeton.
- Pfetsch B. 2004. From Political Culture to Political Communication Culture: A Theoretical Approach to Comparative Analysis. — Esser F., Pfetsch B. (eds.) *Comparing Political Communications: Theories, Cases and Challenges*. Cambridge.
- Putnam R. 1993. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton.
- Sergeev V., Biryukov N. 1993. *Russia's Road to Democracy: Parliament, Communism and Traditional Culture*. Aldershot.
- Scott D. 2003. Culture in Political Theory. — *Political Theory*, vol. 31, № 1.
- Thompson J.B. 1990. *Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication*. Oxford.
- Tucker R.C. 1987. Culture, Political Culture, and Soviet Studies. — Tucker R.C. *Political Culture and Leadership in Soviet Russia. From Lenin to Gorbachev*. Brighton.
- Verba S. 1989. On Revisiting The Civic Culture: a Personal Postscript. — Almond G., Verba S. (eds.) *The Civic Culture Revisited*. L.
- Wedeen L. 2002. Conceptualizing Culture: Possibilities for Political Science. — *American Political Science Review*, vol. 96, № 4.
- Welch S. 1993. *The Concept of Political Culture*. L.
- Welch S. 2005. Political Culture, Post-Communism and Disciplinary Normalization: Towards a Theoretical Reconstruction. — Whilefield S. (ed.) *Political Culture and Post-Communism*. Oxford.